

ООО «ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ»

Ayesha Siddiq. Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy. London: Pluto Press, 2007. 304 p.

Рецензия – Геннадий Евстафьев

В 2007 г. при поддержке Международного центра ученых им. Вудро Вильсона пакистанский политолог доктор Айеша Сиддика опубликовала фундаментальное исследование¹, посвященное истории возникновения, развития и нынешнего состояния и функционирования в Пакистане своеобразного феномена, присущего ряду стран *третьего мира*, – **возрастающего участия в деловой и экономической жизни отдельных стран их вооруженных сил** или сокращенно по-английски *Milbus* (читается *милбиз*).

Хотя анализ г-жи Сиддики проводится на основе детального изучения богатого фактического материала ситуации в ее родном Пакистане, практически все основные выявленные ею тенденции и методы внедрения в экономическую жизнь государства характерны также и для деятельности военных в Индонезии, Таиланде, Мьянме и особенно в Турции, а также в разной степени и ряде других государств, в том числе латиноамериканских и даже таких, как Китай (до 1988 г.).

Степень проникновения военных в экономику и вообще их влияние в обществе зависит напрямую от и пропорционально степени доступа их к рычагам политической власти и взаимоотношений с другими главными политическими игроками в той или иной стране. Методы, которыми оперируют военные круги, естественно зависят от исторических особенностей возникновения и развития конкретных стран, характера отношений гражданского общества с военной верхушкой, силы и влияния соответствующих, особенно демократических, политических институтов в отдельных государствах.

Вывод, который сделала г-жа Сиддика, весьма обоснован и может стать полезным подспорьем при проведении аналитических исследований относительно роли военных на современном этапе в развивающихся странах, предрасположенных по разным историческим, экономическим и политическим причинам к периодам длительной нестабильности и неустойчивости политических систем.

Автор выделяет шесть типологических вариантов отношений военных с гражданским обществом. В каждом из них способность военного истеблишмента развивать и охранять свои узкие корпоративные интересы зависит от силы гражданского общества в государстве. Мы не собираемся здесь подробно разбирать вышеупомянутые шесть типов (они подробно описаны на стр. 41–57 книги). Заметим лишь, что дробление военных диктатур на три типа – тоталитарные, партнерские и гегемонистские – выглядит несколько искусственным и, возможно, утяжеляет и даже запутывает предмет анализа.

Но прежде всего важно понять, что имеется в виду под *милбизом*. Это очень специфичный, не зависимый ни от чего вид военного капитала, который изначально отличается от того, что мы определяем как *военный бюджет*. *Милбиз*, как правило, скрыт от глаз общественности, и часто его называют *внутренней экономикой военного истеблиш-*

Б
И
Б
Л
И
О
Т
Е
К
А

мента. Не следует думать, что это какие-то незначительные владения. Российский журнал *Смысл* сообщил, что в Турции «турецкие военные – это корпоративная экономическая структура, контролирующая 17% экономики страны»².

Милбиз – это капитал, принадлежащий военным, который используется целиком и полностью для обеспечения личных выгод и благ так называемого *военного братства*, особенно офицерского корпуса, но никоим образом не отражается в военном бюджете и не упоминается в нем. Наиболее весомым его компонентом является предпринимательская и другая коммерческая деятельность, которая не подпадает под охват процедур обычной отчетности, принятой в государстве, и используется как средство вознаграждения военного персонала и их ставленников. Однако совершенно очевидно, что львиную часть дивидендов от этого получает офицерский корпус и прежде всего высшие круги военных. При этом *милбиз* или напрямую контролируется военными, или находится под их скрытым, а иногда даже открытым патронажем. Финансовая автономия дает вооруженным силам ощущение власти и уверенность в том, что они могут быть независимы от *некомпетентных гражданских властей*.

Милбиз существует во многих странах: в таких государствах, как США, Великобритания, Франция, Израиль и некоторых других, он существует исторически давно, но действует через устоявшиеся механизмы партнерства с гражданским корпоративным сектором и правительством. В других случаях, он проявляется через партнерство с доминирующей политической партией. Но в *чистом виде*, например в Турции, Индонезии, Пакистане, Таиланде и других государствах, сами военные и их осознанные действия являются основным источником могущества *милбиз*.

Как показано г-жой Сиддикой на примере пакистанского военного истеблишмента, генералитет и вообще офицерский корпус постепенно, в течение десятков лет, наращивали свои усилия по повышению роли и влияния в политической жизни страны и прямого участия, вплоть до решающего, в процессе принятия политико-государственных решений, что все более широко открывало двери для мощного внедрения в экономическую составляющую пакистанского общества. Автор обращает внимание, что при этом деятельность военных и созданных ими экономических организаций в Пакистане (в этой стране они группируются вокруг двух мощных бизнес-конгломератов – *Фауджи фаундейшн* и *Армейский благотворительный траст*) носит крайне эгоистический и достаточно хищнический характер. Достаточно сказать, что первая из упомянутых группировок контролирует как минимум 17 крупных компаний, начиная от производства минеральных удобрений, включая добывающую компанию в Марокко, цемента, добычи газа и распределения нефти и заканчивая университетским фондом. Руководители этого военного конгломерата утверждают, что оказывают благотворительную помощь 8,5 млн бывших военнослужащих и членам их семей. В свою очередь, созданный в 1971 г. *Армейский благотворительный траст* контролирует 26 крупных промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятий, в том числе в банковской сфере, лизинге и страховом бизнесе, и в целом участвует как держатель акций еще в 13 проектах. Этот конгломерат имеет только в своем аппарате около пяти тысяч бывших военнослужащих и имеет авуары в размере свыше 862 млн долл. США, что в условиях Пакистана является значительным капиталом. А ведь началось с Акта № 1860 и мизерного первоначального взноса в 12 тыс. долл. США для узкой задачи сбора средств для «сирот, вдов павших героев, солдат-инвалидов и для реабилитации бывших военнослужащих», так сказать, *детямкам на молочишко*.

В свою очередь, военные из ВВС Пакистана создали свой благотворительный фонд под названием *Шахин*, который, также начав со скромных сумм, довел свои активы до 35 млн долл. США и достиг ежегодного оборота более 10 млн долл. США. Естественно, большинство коммерческих операций *Шахин* связано с авиационным бизнесом. Пакистанские моряки тоже не отстают и создали свою бизнес-структуру под названием *Бахриа фаундейшн*, которую, естественно, как и в предыдущих случаях, возглавляют бывшие и ныне действующие адмиралы и офицеры ВМФ. Моряки реализуют 19 крупных проектов и имеют даже большие активы, чем летчики, – 69 млн долл.

Для характеристики организации деятельности упомянутых выше организаций пакистанского *милбиз* следует отметить несколько важных организационных и внеюрídических моментов, которые объясняют их коммерческий успех. Приведенные выше цифры ярко свидетельствуют, что политически мощные военные группы, обладающие финансовой автономией в государстве, используют и политическую власть, и экономическую автономию для создания коммерческой империи, которая фактически бесконтрольно в своих узких корпоративных интересах оперирует теперь миллиардами долларов. В подтверждение этого эксперт приводит практически полное отсутствие транспарентности в деятельности контролируемых военными компаниями, а также отсутствие государственного финансового контроля и льготное налогообложение военных корпораций, которые долгое время прикрывались якобы благотворительным характером своих структур. Удивительно, что *Фауджи фаундейшн* и *Армейский благотворительный траст* и сейчас платят только 20% налога на доходы своих компаний, что несравненно ниже, чем обычные гражданские корпорации. Еще более удивителен тот факт, что пользующиеся меньшим влиянием в стране *Шахин* и *Бахриа фаундейшн* платят с доходов контролируемых ими корпораций 30% налогов. В Пакистане все знают, что правят все-таки сухопутные силы.

Но ни в одной другой сфере военные не достигли таких коммерческих преимуществ, каких они достигли в присвоении себе земельных владений. С формальной точки зрения благодаря своему политическому влиянию *милбиз* обставил все основательно. Вся задача земли соответствует лучшим английским феодальным традициям на основе так называемого Акта о колонизации земли от 1912 г. и за мизерную плату от 40 центов за 1 акр в 1960-е гг. до 1 долл. 20 центов за акр в середине 1990-х гг. На сегодняшний день средняя цена этой земли за 1 акр составляет свыше 4 тыс. долл. и общая стоимость земельных владений *милбиз*, по подсчетам г-жи Сиддика, достигает в Пакистане почти 12 млрд долл. США. В ряде случаев за крупные участки до сих пор не уплачивается вообще никакого налога. Всего таким образом военным роздано более 11,5 млн акров (то есть около 5 млн гектаров). Надо иметь в виду, что это 12% всей государственной земли (стр. 174).

Проводившаяся земельная реформа никоим образом не затронула интересы генералов и высших офицеров, которые превратились за время господства в стране различных военных администраций (то есть военных диктатур) в крупнейших земельных баронов и при этом изловчились в 1950–1960-х гг. в виде скрытых субсидий направить на укрепление своих позиций в сельском хозяйстве существенную часть иностранной экономической помощи. Один крупный государственный деятель договорился даже до того, что «иностранная помощь предназначалась для армии». А может быть, так оно и было? Любопытно, что, как свидетельствует Айша Сиддика, и сейчас такие генералы, как сам Первез Мушарраф, адмирал Абдул Азиз Мирза и другие, используют для охраны и проведения сельхозработ на своих участках, например в Бахавальпуре, даже действующих военнослужащих пакистанской армии.

Не менее показательным является проникновение *милбиз* и в городскую земельную собственность и недвижимость, причем наибольший размах это получило после 1999 г., то есть после прихода к власти нынешнего режима. Но самым разоблачающим фактом является то обстоятельство, что из 46 программ жилищного строительства, напрямую осуществлявшихся *милбиз*, ни одна не предусматривает участие в них рядовых военнослужащих. Все было *оприходовано* высшим офицерством и связанными с ним деловыми кругами. И это при том, что в стране не хватает 6,3 млн жилых домов, поэтому даже среди военных имеется прослойка, которая выступает против этой *институализированной коррупции* (стр. 198).

Становится очевидным, что в Пакистане мы имеем дело с таким типом *милбиз*, который ведет себя как государство в государстве и преследует свои узкокорпоративные и крайне эгоистические интересы за счет остального населения страны. Отсюда очевидно также и то, что военные режимы, четыре раза за 60 лет независимого существования страны приходившие к власти в этом государстве, сильно деформировали пред-

С материалами о Пакистане Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Пакистан» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/pakistan>

ставления населения о демократии, справедливости и возможности что-либо изменить. Немудрено также и то, что ставший неотъемлемой частью современного государственного, экономического и политического устройства Пакистана *милбиз* будет отчаянно бороться за сохранение своего привилегированного положения *фактического хозяина страны* и всячески

препятствовать демократическим изменениям.

Возникает и другой вопрос. На протяжении десятков лет Пакистан является одним из главных стратегических партнеров США в Азии, и на их глазах, а можно сказать, и при их непосредственном участии, методично осуществлялась *кастрация* пакистанской демократии, и вопрос, который поставлен в Вашингтоне, о некоей *демократизации Большого Ближнего Востока* никогда не возникал у американцев относительно Пакистана. Это и понятно – по стечению политических обстоятельств эта страна остается ключевым стратегическим партнером США.

Для аналитиков-специалистов по Южной Азии, пожалуй, наибольший интерес представляют те 50 страниц (стр. 129–179) из книги Айеши Сиддика, которые посвящены описанию того, как происходило становление *милбиза* в Пакистане. Практически начало этому было положено в 1954 г., когда высшее командование армии показало свое намерение выкроить себе в структуре пакистанского общества нишу существенно большую, чем только защита безопасности и границ государства. В отличие от соседней Индии, где средства, полученные от Великобритании из *Фонда послевоенной реконструкции*, были распределены между участниками боевых действий во Второй мировой войне, пакистанские генералы выбрали путь создания на эти средства крупных индустриальных проектов. И тогдашний главнокомандующий армией и будущий военный администратор (диктатор) страны генерал Айюб Хан сделал очень многое для быстрого развития *милбиза*. Но в тот период (1954–1969 гг.) этот военный диктатор дал ход не только военным: он немало поспособствовал тем теперь хорошо известным 22 семействам в стране, которые стали хозяевами 68% всей промышленной инфраструктуры и 87% банковских активов государства.

В отношении недовольных и оппозиции был придуман ловкий политический ход – так называемый закон EBDO (Elective Bodies Disqualification Ordinance, 1959 г.), который удалил, как оказалось, навсегда, из политической жизни группу весьма известных в свое время политических деятелей, обвиненных в коррупции и подрыве безопасности государства. Появился глагол *эбдоировать*, и этой экзекуции были подвержены несколько сот человек. Само по себе это оказало длительное устрашающее воздействие на пакистанскую правящую элиту, которая предпочла *не высовываться*. Все стали называть Пакистан системой *контролируемой демократии*.

Как и в кемалистской Турции, действия военного режима в Пакистане рассматривались как необходимая мера по обеспечению обороны и экономической безопасности в условиях постоянной угрозы со стороны Индии. Но именно в этот период, время так называемой *великой революции Айюб Хана*, высший генералитет пришел к выводу о том, что в сравнении с гражданской бюрократией военные офицеры обладают «большими аналитическими способностями, а также имеют интеллектуальное и моральное превосходство». Таким образом, за 15 лет, указанных выше, когда влияние военных, находившихся у власти, было на своем пике, *милбиз* получил мощный толчок к своему развитию. Однако в период острого политического кризиса (1969–1972 гг.) и последующего достаточно короткого периода гражданского правления Зульф리카ра Али Бхутто *милбиз* находился в явной стагнации, что и предрешило в конечном итоге трагическую судьбу выдающегося, хотя и крайне непоследовательного, гражданского премьер-министра. Наступил период сдержанности, когда рост военной внутренней экономики замедлился, и во время диктаторства генерала Яхья Хана больших прорывов в этом деле не было,

за исключением, пожалуй, создания в конце 1971 г. ранее упоминавшегося *Армейского благотворительного траста*, который был организован конкурирующей с *Фауджи фаундейшн* группой армейских генералов.

Конец эры Бхутто в 1977 г. и возвращение военной верхушки к высшей власти в государстве стал и концом эры сдержанности в отношении политической и финансовой автономии военных. Началась эпоха, в которой военные, уверовавшие в свою роль *спасителей нации*, пришли к окончательному убеждению, что они имеют неписаное право на почти неограниченное присвоение части национальных ресурсов для укрепления своей профессиональной корпорации. Как пишет Айеша Сиддика, начался период *экономического хищничества*.

В 1977–2005 гг. происходит процесс непрерывного расширенного проникновения *милбиз* в политическую и экономическую жизнь пакистанского общества. В эти годы окончательно материализовалась линия армии на присвоение себе постоянной роли в структуре принятия решений по управлению государством. За десять лет диктаторства Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.) и в период диктаторства ныне действующего главы государства генерала Первеза Мушаррафа были приняты десятки различных юридических и конституционных норм, в том числе создание могущественного Совета национальной безопасности (СНБ), принимающего ключевые государственные решения (из десяти членов СНБ четыре члена, не считая президента Мушаррафа, – главы родов войск). Такого рода нормы превратили военных, по крайней мере, в равных партнеров всех слоев политической элиты в разработке внешнеполитического курса страны и ее внутренней политики.

В экономике это выразилось в принятии специальных решений, которые привели к повышению доли военных в деловой жизни. В частных беседах представители военных упорно отрицают наличие связи между их политическим контролем над страной и усилением их роли в экономической эксплуатации страны, но аргументы и фактические данные, приводимые А. Сиддикой, убедительно опровергают эти попытки. Один только факт существования разрешенных еще диктатором Зия секретных *полковых фондов*, за которые никто не отчитывается и которые никто никогда не проверял, говорит сам за себя и подтверждает заявления о многих финансовых злоупотреблениях, творимых в высшей офицерской среде.

Мы не будем углубляться в многочисленные примеры злоупотреблений военными всех мастей своими возможностями, многие из которых подробно описаны на стр. 142–151. От себя скажем, что только в условиях подобной скрытности и секретности даже от глаз государственных контролирующих органов страны и полной бесконтрольности от самого *милбиза* могла возникнуть тайная сеть международного *черного рынка* торговли ядерными и другими стратегическими технологиям д-ра Абдул Кадыр Хана, *отца пакистанской ядерной бомбы*, долгие годы тесно связанного с высшим военным руководством страны. Это – тот же прием привычного применения концепций *милбиза* по-пакистански, только в весьма специфичной и опасной сфере. Мы не будем в этой рецензии развивать эту тему, скажем только, что А.К. Хан – не единственный пример бесконтрольности. Тем, кто хотел бы получить дополнительные подтверждения опасных действий пакистанского *милбиз*, можно посоветовать прочитать в только что вышедшей книге бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета о некоей пакистанской некоммерческой организации под названием *Umma Tameer-e-Nau* (UTN), которая состояла из отставных военных и ученых-ядерщиков, с ними связанных, и которая консультировала *Аль-Каиду* по проблемам создания оружия массового уничтожения (ОМУ)³.

Думается, привычка присваивать себе финансовые ресурсы, в том числе и, прежде всего, поступающие из-за рубежа, окончательно испортила мораль и нравы пакистанских военных еще во времена печальной памяти афганской войны. Да и сейчас в ходе *глобальной войны США с терроризмом* под руководством наших американских партнеров некоторые важные пакистанские военные чины и гражданские бюрократы нет-нет да и демонстрируют наличие необъясненных крупных личных состояний. Усиление во-

енных и их роли в управлении государством выразилось и в активном *хождении во власть*. При диктаторе Зия, например, из 42 послов страны за рубежом 18 были генералами. О госаппарате мы уже не говорим.

Последовавший за ликвидацией диктатора Зия период сменявших друг друга гражданских правительств не внес серьезных изменений и зачастую характеризовался стремлением их лидеров в острой политической борьбе за власть предоставлять военным дополнительные поощрения с целью удерживать их на своей стороне. Но эти надежды были тщетны: *милбиз* уже набрал такую мощь в стране, что ждал только случая вернуться к высшей власти и к еще большей доле *экономического пирога*, что и свершилось с отстранением премьер-министра Наваза Шарифа и приходом в стране к власти очередного генерала – Первеза Мушаррафа, и все повторилось.

Как показано А. Сиддикой, деятельность *милбиз* в основном скрыта от широкой общественности. Кроме того, она служит интересам весьма узкой группы лиц. Эффективность осуществляемых военными коммерческих операций вызывает большие сомнения, и зачастую они накладывают тяжелое бремя как на военный, так и на общенациональный бюджет, поскольку именно за счет этих источников *милбиз* покрывает постоянно образующийся дефицит. Все это препятствует росту экономики свободного рынка. На стр. 219–225 книги это убедительно показано.

Есть еще один аргумент Айеши Сиддики, на который следует обратить самое пристальное внимание: военный режим утверждает, что он стремится ограничить религиозный экстремизм и воинственность, однако даже пакистанская печать утверждает, что в этом деле имеют место *двойные стандарты*. А. Сиддика ставит целый ряд резонных вопросов. Каким образом *милбиз* способствует перестройке социальных отношений в обществе? Следует ли всплеск религиозного экстремизма и ксенофобии рассматривать как неизбежные издержки этого самого *милбиз*? На эти ключевые вопросы она не дает ответа, предлагая читателям самим на них ответить. Но вряд ли пакистанский читатель сможет ознакомиться с книгой А. Сиддики и тем более дать ответ. Нет сомнения в том, что военный режим не даст ходу этой книге в Пакистане.

И все-таки хочется закончить словами великого современного пакистанского поэта-демократа Фаиз Ахмад Фаиза:

«Мы, отверженные земли,
Будем подняты на достойное место...
И правда зазвонит в ушах каждого.
Эта правда ты и я...
Мы доживем до того дня,
Который был обещан и предначертан,
Когда горы насилия будут унесены, как клочки хлопка,
И земля будет праздновать»⁴.

Примечания

¹ *Индекс Безопасности* в одном из ближайших номеров готовит статью Айеши Сиддики. Эта статья будет основана на основных разделах рецензируемой книги; перевод этих разделов осуществляется нами с любезного согласия автора.

² *Смысл*. 2007, №7, 16–31 мая. С. 52.

³ Tenet George. *At the Center of the Storm: My Years at the CIA*. HarperCollins Publishers, 2007. P. 262–263.

⁴ Перевод автора.